

Научная статья

УДК 82-311.3; 82-94; 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/88/13

На краю ойкумены: советский писатель о Древнем Египте

Сергей Борисович Крих

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского
Омск, Россия

krikh@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8220-9956>

Аннотация

Исследуются источники идей и исторического содержания в ранних исторических повестях И. А. Ефремова, показано влияние исторической диалогии «Великая Дуга» на восприятие древней истории в советской культуре. Выявлены три типа источников идей для произведения: дореволюционные исторические исследования, советская историография и европейский колониальный дискурс. Образ Египта у Ефремова в целом совпал с советским образом рабовладельческого общества, но в основе своего повествования он сфокусировался не на рабстве, а на различии между деспотическим Египтом и свободолюбивой Элладой. Все элементы были объединены концептом «Великой Дуги» – океана, соединяющего культуры и предвещающего грядущее единство человечества, которое приблизило пафос ефремовских повестей к идеям Л. Мечникова.

Ключевые слова

Древний Египет, Древняя Греция, советская культура, советская историография

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (проект № 20-09-41014) «От Святой Земли до рабовладельческой формации: история Древнего Ближнего Востока в российской исторической науке XX в.»

Для цитирования

Крих С. Б. На краю ойкумены: советский писатель о Древнем Египте // Сибирский филологический журнал. 2024. № 3. С. 191–203. DOI 10.17223/18137083/88/13

© Крих С. Б., 2024

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 3. С. 191–203
Siberian Journal of Philology, 2024, no. 3, pp. 191–203

At the edge of Oikoumene: a Soviet writer about Ancient Egypt

Sergey B. Krikh

Dostoevsky Omsk State University
Omsk, Russian Federation

krikh@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8220-9956>

Abstract

The paper analyses the origin of ideas and historical material in the early historical stories authored by Ivan Efremov, the prominent Soviet writer. Also, the influence of the historical dilogy “The Great Arc” on the perception of ancient history in Soviet culture is traced. In general terms, this dilogy can be attributed to historical novels while also considering the specifics of the Stalinist historical novel. Three types of sources have been revealed: pre-revolutionary historical research, Soviet historiography, and European colonial discourse. The text analysis indicates that the writer was hardly familiar with the contemporary Soviet historiography of Egypt, which may have caused some criticism of his work by historians. At the same time, Efremov’s ideas were based on the works and translations of Boris Turaev. Thus, the pre-revolutionary studies provided a general background, with the European colonial discourse partially overcome but still maintaining the adventurous spirit of the narrative. Overall, Efremov’s image coincided with the Soviet image of ancient Egypt as a slave-holding society. However, the focus of his narrative was not on slavery but on the difference between despotic Egypt and freedom-loving Hellas. The study indicates that the notion of the “Great Arc” served as a unifying thread, connecting these three contradictory paths and symbolizing the intercultural unity and the forthcoming oneness of humanity, thus bridging Efremov’s narratives with Mechnikov’s concepts. These were connected with the values of European culture rather than with Soviet socialist realism.

Keywords

Ancient Egypt, Ancient Greece, Soviet culture, Soviet historiography

Acknowledgments

The study was funded by RFBR, project no. 20-09-41014 (“From the Holy Land to the Slave Formation: The History of the Ancient Near East in Russian Historical Scholarship in 20th century”)

For citation

Krikh S. B. At the edge of Oikoumene: a Soviet writer about Ancient Egypt. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 3, pp. 191–203. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/88/13

Литературное творчество И. А. Ефремова (1908–1972) – важная часть интеллектуального пространства второй половины советского периода, в том числе потому, что его произведения пользовались самой настоящей широкой популярностью, не теряя при этом ореола «умного» чтения. Поэтому можно считать большой удачей для исследователя исторических представлений советского общества, что в начале и в конце писательского пути Ефремов обращался к историческому жанру, причем к древней истории: речь идет о дилогии «Великая Дуга» (1949–1953, написана в 1945 г.) и романе «Таис Афинская» (1973). Если последний роман привлекал внимание исследователей¹, то ранние исторические произведения специально почти не изучались.

¹ Здесь следует указать на исследование Е. К. Агапитовой [2015].

Между тем, изданные первоначально по отдельности повести «Путешествие Баурджеда» и «На краю Ойкумены» (иногда названием второй повести обозначают и всю диологию) были довольно хорошо приняты советским читателем, а значит, идеи автора и созданные им образы неизбежно повлияли на восприятие древней истории советскими людьми.

В данной статье мы постараемся показать, какие элементы образа древневосточного мира, бытовавшие в советской культуре, использовал Ефремов, насколько они были адекватны представлениям советской исторической науки и как это позволяет оценивать горизонт советского читателя с точки зрения его восприятия истории.

В самом начале необходимо выдвинуть важный тезис: нам кажется непродуктивным (как минимум в контексте нашего исследования) трактовать творчество Ефремова в терминах «советское» – «несоветское» (или даже «антисоветское»). Основа для таких суждений есть: поддерживая взгляд на свои исторические повести как написанные с помощью «марксистского анализа истории» [Писатели..., 1963, с. 9], Ефремов сообщал в частном письме, что «Путешествие Баурджеда» не было напечатано при Сталине из-за нежелательных аналогий².

Аналогии эти отыскивали и критики, увидевшие в сцене погони (в начале «Путешествия Баурджеда») аллюзию к арестам невинных в сталинское время, и соответственно, восприняли саму эту сцену как одну из причин задержки публикации повести. Интересно, что такая трактовка сложилась поэтапно. Сначала в книге Е. П. Брандиса и В. И. Дмитриевского, получивших информацию от самого Ефремова, был сделан намек на то, что повесть, основной смысл которой пропитан протестом «против всякой деспотии и подавления личности», и «не могла быть своевременно напечатана» [Брандис, Дмитриевский, 1963, с. 103]. Развил этот намек Л. Геллер, согласно которому Ефремов с самого начала повести вводит читателя в «атмосферу всеобщего страха» [Геллер, 1985, с. 323]. Современные биографы Ефремова о чтении этой сцены пишут еще более прямо: «...и в памяти сразу возникнут рассказы о сталинских репрессиях» [Ерёмина, Смирнов, 2013, с. 259].

Но если обратиться к письмам Ефремова, то можно увидеть свидетельства того, что первоначальная версия повести была сосредоточена на истории вельможи Баурджеда, а добавление «многоплановости» (т. е., надо полагать, сюжетных линий как раз тех персонажей, которые и страдали от египетских властей) было сделано по предложению редактора [Переписка..., 2016, с. 244]. И, поскольку Ефремов сообщал об этой переделке в декабре 1953 г., следовательно, сама эта редактура происходила еще при «живом Сталине» (видимо, в 1951 или 1952 г.). Получается, какие-то шансы выйти в сталинское время у книги всё-таки были, а ее несоответствие эпохе могло быть связано как раз с изначальным отсутствием сцены погони.

В письме Т. А. Чернышёвой от 10 июня 1960 г. писатель называет две причины задержки повести: то, что «люди усмотрели там нежелательные параллели», и «из-за непривычного стиля и вообще построения повести» [Переписка..., 2016, с. 395]; последняя мысль повторена и развита в письме В. И. Дмитриевскому от 25 мая 1971 г.: «из-за *непривычной* манеры изложения исторических повестей,

² «Моя “Ойкумена” тоже валялась в издательствах два года, а потом была напечатана только после распоряжения покойного А. А. Жданова» (И. А. Ефремов – П. П. Рубцову, 27 августа 1957 г. [Переписка..., 2016, с. 322]).

не содержащего (так в тексте. – С. К.) великих героев, победителей и т. п.» [Переписка..., 2016, с. 1296]. «Нежелательные параллели» совсем не обязательно сводить только к сцене погони (вполне вероятно, вообще не существовавшей в начальной редакции), ведь редакторы тех лет могли усмотреть их во взаимоотношениях «науки» и «власти» (фараоны и жрецы Тота) или в самом факте выезда Баурджеда «за границу», если вспомнить, что конец 1940-х – начало 1950-х гг. были временем идеологических кампаний против космополитизма и преклонения перед «иностраниной». Несомненно, наличие различных вариантов прочтения – это в принципе опция художественной литературы, но ее частое использование больше сообщает о позиции читающего, чем о взглядах писателя.

Фактически диалогию связывает одна идея, выраженная через ключевой символ – необычный камень, берилл фигурирует в обеих частях и затем оказывается в Эрмитаже в наше время (т. е. в послевоенном Ленинграде). «Путешествие Баурджеда» построено на рассказе об экспедиции египтян далеко на юг, в условную страну Пунт. Фараон IV династии поручает одному из своих подчиненных дойти до конца обитаемых земель, но путешествие оказывается намного более трудным, чем предполагалось, выход в открытый океан губит часть экспедиции. Выжившие участники сплачиваются (чиновник Баурджед проникается всё большим уважением не только к египтянам-морякам, но и к рабам, которые преодолевают трудности наравне со всеми), усовершенствуют устройство судов, а после совершают еще и сухопутную часть экспедиции, достигнув озера Виктория. Экспедиция возвращается, сильно поредевшая и добывшая мало сокровищ. Зато Баурджед несет с собой знание открытого им мира, которое оказывается ненужным новой власти – в Египте новый фараон вернулся к растрате ресурсов на строительство пирамид и отрицательно принял весть о том, что земля Египта невелика по сравнению с окружающим миром. Попавший в опалу Баурджед оказывается принят жрецами Тота, которые записывают его рассказ, а после этого герой освобождает своих друзей, посланных на строительство пирамиды, спровоцировав восстание угнетенных, которое отказался возглавить. Развязка повести оказывается разочарывающей: друзья уходят на борьбу с властью, обреченные на поражение, Баурджед не может преодолеть свою ограниченность и не помогает им – хотя в самом конце повести дается намек на то, что он в итоге присоединился к ним и погиб.

Действие повести «На краю Ойкумены» происходит около X в. до н. э., т. е. спустя более полутора тысяч лет после событий первой повести. Главный герой – грек Пандион – отплывает из своей родной Средней Греции на Крит, чтобы научиться там искусству, его захватывают в плен финикийские моряки, затем он попадает в Египет, где в качестве раба в составе трудовых отрядов работает в нескольких районах страны. Пытаясь бежать, группа рабов из разных стран (выделяются уроженец Западной Африки Кидого и этруск Кави) углубляется в Ливийскую пустыню, но египетские воины возвращают их; когда их ссылают на юг, то местный областеначальник предлагает им свободу в награду за выполнение опасного задания по поимке взрослого носорога. Так беглецы оказываются в Нубии, откуда идут на запад через всю Центральную Африку. Они преодолевают множество препятствий, живут у ряда племен, а затем попадают на побережье Гвинейского залива в племени Кидого. Отсюда, дождавшись торговцев с берегов Иберии, Кави и Пандион возвращаются на родину. Еще находясь в Египте, Пандион получает необычный камень от египтянина, обнаружившего его в развалинах храма Тота. Оказавшись в племени Кидого, Пандион сначала создает с помо-

щью алмазных резцов на поверхности камня гемму с образом девушки, которая дожидается его в Греции, а потом рядом рисует композицию, изображающую трех друзей, преодолевших весь этот путь вместе.

В таком кратком изложении очень хорошо заметно, что сюжет движется в основном либо маловероятными (не быть убитыми ни одним из племен, встреченных по пути), либо фантастическими событиями и совпадениями (встреча в «лагере» рабов со всех сторон света, создание эффективной «команды» из них), включая отдельной графой в эту фантастичность некоторую модернизацию мотивов поступков героев (поездка на Крит с целью «культурного туризма»), что и привело критиков к вопросу о том, можно ли относить эти произведения к исторической прозе. Если говорить об этом с теоретической точки зрения, то еще С. И. Кормилов, выделяя четыре базовых характеристики (тема из прошлого, художественно-историческая дистанция, историзм, исторические события и персонажи), добавлял к ним также «подчеркнутый интерес художника к неповторимому содержанию и структуре воспроизводимой эпохи» [Кормилов, 1979, с. 3, 6]. В свою очередь, Е. А. Добренко показал, что исторический роман сталинского времени вообще не направлен на то, чтобы читатель мог узнать из него какую-либо иную эпоху, кроме той, в которую он написан [Добренко, 2000, с. 891]. Можно было бы отнести все непонятные случаи к промежуточным формам, но это соображение действительно лишь в том случае, если мы исходим из того, что литературовед в принципе может безошибочно определить наличие (или отсутствие) интереса писателя к исторической эпохе. Если же вернуться к тексту Ефремова, то следует признать, что он приложил немало усилий для того, чтобы его невероятный приключенческий сюжет³ смотрелся органично в антураже избранных им исторических эпох.

Автор сам в предисловии к первой повести рассказывает о некоторых источниках своих знаний о Египте – прежде всего он указывает на работы Б. А. Тураева: «Большинство надписей, изречений, поговорок и т. п., встречающихся в повести, взяты из подлинных древнеегипетских источников, в переводах крупнейших наших египтологов и преимущественно Б. А. Тураева» [Ефремов, 1953, с. 4]. Кроме «Египетской литературы» [Тураев, 1920] Ефремов был также знаком с монографией «Бог Тот» [Тураев, 1898; Переписка..., 2016, с. 294], хорошо изучил богато иллюстрированную книгу Г. Масперо [1915] о египетском искусстве [Переписка..., 2016, с. 240], а для географических описаний использовал уже современные данные – например, запах гниющего моря у мыса Гвардафуй был известен Ефремову благодаря чтению лоций [Ефремов, 1953, с. 4; Переписка..., 2016, с. 244]. Соблазнительно предположить и знакомство с прекрасно изданной Тураевым повестью о Синухете [Тураев, 1915] – рассказ о приключениях египтянина на чужбине, хотя и относился к эпохе Среднего царства, вполне мог служить дополнительным источником информации для писателя.

Известно, что писатель, готовясь к созданию своих произведений, заранее собирал сведения об истории и географии тех мест, о которых должна пойти речь. В случае с исторической дилогией можно сказать, что Ефремов использовал практически все возможные яркие детали, которые хоть как-то могли быть отнесены ко времени повести. Так, он дал возможность герою увидеть игры с быком на Крите, знакомство с которыми потом поможет Пандиону в поимке носорога;

³ Зависимость Ефремова от таких образцов, как роман «Копи царя Соломона», уже отмечена в литературе [Ерёмкина, Смирнов 2013, с. 32–33].

описание критской или египетской архитектуры, рельефов и статуй отчетливо напоминает слегка переделанные страницы учебников по искусству, – видимо, большие литературные формы давались Ефремову еще с некоторым трудом, и швы между описаниями и собственно действием спрятаны слабо.

Таким образом, обращаясь к научной и учебной литературе, Ефремов имел определенное представление о том, каков был кругозор людей описываемых им эпох, какой образ мысли был для них более или менее вероятным. Осовременивание психологии того же Пандиона было сознательным выбором, продиктованным художественными целями писателя, и в принципе достаточно хорошо может быть опознано любым более или менее опытным читателем, а потому не может считаться основанием для выведения диалогии за рамки жанра исторической литературы. Но гораздо более интересными являются те моменты, которые, видимо, представляли вполне историческими для самого Ефремова и тем более для «обычных» читателей (не историков), при этом являясь конструктами советской исторической науки и культуры.

Основой этих взглядов было, конечно, представление о древнем мире как о рабовладельческом обществе, а о Египте как о стране, в которой угнетение рабов было поставлено на высокую ступень путем использования целой системы «шене» – трудовых лагерей для рабов, описание которых напоминает примитивизированный вариант большой тюрьмы или концлагеря современности. Ефремов, как и советская историография, не отрицает того, что большую часть трудящегося населения Египта составляли формально свободные крестьяне и ремесленники, но подневольный, рабский труд с точки зрения символизма занимает основное место при характеристике «египетского мира»: день и ночь рабы поливают сады, находящиеся выше уровня Нила и усаждающие взор фараона [Ефремов, 1975, с. 18]; жизнь обращенного в раба египтянина сразу же падает в ценности и оказывается ниже, чем забота о сохранности каменной плиты:

Молодой эллин, далеко выбросив правую руку, мгновенным толчком в грудь отшвырнул египтянина назад. <...> Плита стукнулась о подножие стены, большой угол барельефа откололся.

С негодующим криком к Пандиону побежал надсмотрщик и хлестнул эллина бичом. <...>

– Негодай, зачем ты спас эту падаль? – завопил надсмотрщик, замахаясь вторично. – Плита, упавшая на мягкое тело, осталась бы цела! Это изображение дороже сотен жизней жалких тварей, таких, как вы! – продолжал он, нанося второй удар [Ефремов, 1975, с. 187].

Литературные критики высоко оценивали историческую сторону произведений: «Это историческая фантастика, основанная на документальных данных. На первый взгляд кажется, что автор даже несколько злоупотребляет документальностью – многочисленными сносками, ссылками и пояснениями» [Палей, 1956, с. 263]. Когда рецензент указывал на то, что в конце повести, прощаясь с друзьями, Кидого начинает говорить откровенно книжным языком, его претензия связана не столько с тем, что это исторически недостоверно, сколько с тем, что это неубедительно психологически [Там же]. Иные данные об отношении историков к повести Ефремова предоставляет рецензия, написанная египтологом Р. И. Рубинштейн (1899–1982) и опубликованная в научном журнале «Вестник древней истории» в 1950 г.; она относится только ко второй повести.

Рубинштейн вначале тоже излагает основные перипетии сюжета, указывает, что главная ценность повести заключается не в приключенческой составляющей, а в том, что «в книге нашли яркое выражение идеи дружбы и верности, любовь к родине, жажда свободы» [Рубинштейн, 1950, с. 142], что ценности эти не навязаны читателям, а раскрыты в образах трех друзей. Далее (в духе раннего советского времени) указывалось, что «чем больше достоинств у книги, тем строже следует подойти к ее недостаткам, для того чтобы устранить их впоследствии и еще больше повысить качество повести» [Там же, с. 143]. Понимая, что художник не равен историку и ученому, рецензент, тем не менее, полагает, что одним из основных недостатков Ефремова «является отсутствие достаточного исторического чутья» [Там же]. В XI–X вв. до н. э. в древнегреческом искусстве господствовал геометрический стиль, так откуда же у Пандиона могло возникнуть даже само стремление к реализму? Да и могли ли тогда существовать в принципе художники-специалисты, вроде учителя Пандиона Агенора, который еще и высказывает весьма зрелые суждения о том, на каком уровне развития находится искусство его страны по сравнению с другими народами. «Кто это говорит – автор популярного современного учебника по истории искусства или грек гомеровской эпохи, не порвавший еще с первобытнообщинным строем, с ограниченным кругозором своего узкого мира?» [Там же].

Рубинштейн очень хорошо видит, как источники знаний Ефремова подталкивают его к искаженным представлениям и вольным домыслам о египетском обществе. Это касается и отдельных трактовок, например, египетских представлений о душах человека: «...совсем неправильно объяснение, что “ка” – духовный человек, разумная душа, а “ба” – телесная душа, призрак тела. Это сплошная фантазия автора» [Там же, с. 144]. Но эти искажения распространяются и на общие установки писателя: «Нельзя называть египтян народом, заботившимся о смерти больше, чем о жизни, только потому, что у египтян был так развит заупокойный культ» [Там же]. Наконец, и сцены египетской повседневности искажены доверием Ефремова к визуальным источникам: «Кажется, что всё это описано по фрескам и рельефам древних египтян, а их условные изображения приняты как реальность. Вот почему в описаниях появляется коричневая кожа у воинов, угловатое сложение у египтянок, застывшие позы вельмож, сидящих на пиру, и т. п.» [Там же].

Тем самым никакого «злоупотребления документальностью» Рубинштейн как специалист не видит, наоборот, отлично узнаёт, что источники знаний Ефремова базируются на устаревшей литературе (это выдает использованная им хронология), понимает, что писатель, хотя и старался насытить произведение «египетскими» словами (в итоге переданными либо слишком условно, либо вообще неправильно), был довольно ограничен в том исходном материале о древнеегипетской жизни, который смог собрать из книг.

Еще один упрек Рубинштейн настолько важен с точки зрения реакции советского историка на художественное произведение, что его следует привести целиком: «Большой ошибкой является основная концепция автора о Египте – вся страна была превращена в цветущий сад рабами, всё искусство было создано руками рабов. Безусловно, рабство играло огромную роль в Египте, без рабовладельческого строя Египет не достиг бы того развития производительных сил и расцвета культуры, которые характерны для него. Но всё же надо помнить, что в обработке полей, в создании ирригационной сети принимали участие не только рабы, но и основная масса рядовых свободных, а египетское искусство было соз-

дано не чужеземцами (рабами), а самими египтянами, которые, так же как и всякий народ, сами создали свою культуру» [Рубинштейн, 1950, с. 144].

Здесь мы встречаемся с несколько парадоксальным моментом: представительница советской историографии узнала, как будет выглядеть Египет в глазах художника, если тот воспользуется образом, который рисовала сама советская историография, – и ей это не понравилось. Конечно, Рубинштейн – не вся советская наука и далеко не главный творец образа древнеегипетского общества как рабовладельческого, но она вполне разделяла эти установки, в которых было обязательным и уточнение, что наряду с рабами эксплуатировались египетские крестьяне. Но поскольку художественное отображение обрисованного в науке образа всегда отбирает самые характерные черты, то упрек Ефремову в том, что его зеркало исказило представляемую советскими египтологами реальность, оказывается как минимум не вполне справедливым.

Советская историография в принципе не отрицала тезиса, согласно которому в странах древнего Востока лично свободные, но зависимые труженики производили основную массу продукта, но для того, чтобы иметь право определять эти страны как относящиеся к рабовладельческой формации, дополняли его другим тезисом: хотя рабов и было относительно немного, рабовладельцы переносили практики обращения с рабами и на зависимых свободных людей. Тем самым, когда в книге Ефремова свободный египтянин обращен в рабство и после этого помещен с другими (иноплеменными) рабами в один «рабочий дом», сам этот сюжетный ход вполне адекватно отражает тезисы именно советской историографии тех лет.

У нас нет однозначных доказательств того, что Ефремов сколько-нибудь тщательно прорабатывал историческую литературу 1930–1940-х гг.: она почти вся сосредоточена на вопросах классовой борьбы и не могла дать его повестям запоминающихся деталей повседневной жизни египтян или идей для увлекательных сюжетных линий. Но, если предположить, что Ефремов заглянул в наиболее доступные тогда учебники по истории древнего мира⁴, что он смог бы в них найти?

Если мы обратимся к школьному учебнику 1943 г., то увидим там следующие формулировки: на ирригационных работах «применялся труд порабощенного населения. Кроме того, много рабочих рук давали военнопленные» [История древнего мира, 1943, с. 13]. Жизнь трудящихся не ценилась: «Громадные сооружения создавались тяжелым трудом рабов и крестьян. <...> Во время постройки пирамид тысячи людей погибали от непосильного труда под палящими лучами солнца» [Там же, с. 20–21]. Как свободные, так и рабы жили трудно, иногда восставали, «но удержать в своих руках власть они не смогли; они не знали, как устроить жизнь по-новому» [Там же, с. 22].

Учебник для университетов, вышедший в 1941 г., рисовал примерно ту же картину. С одной стороны, ясно обозначалось, что мелкие свободные землевладельцы оставались значительным слоем египетского общества с начала истории и до конца эпохи Нового царства: «Египет Древнего царства представлял собой примитивное рабовладельческое общество, т. е. общество, в котором рабский труд не захватил еще всех основных сторон производства. В земледелии и ремес-

⁴ В принципе, более позднее письмо 1971 г. свидетельствует скорее в пользу того, что советских учебников по истории древнего мира Ефремов в руках не держал: «...тогда в советской литературе не было ни единой повести из древней истории (ее, кажется, почти и не учили в школе)» [Переписка..., 2016, с. 1296].

ле работали главным образом люди свободные» [Струве, 1941, с. 141, 146]. Но в то же время сообщалось, что наделы у крестьян «были часто настолько малы, что их владельцы не имели возможности держать скот», а на «значительно больших наделах знати работали рабы» [Там же, с. 142]. На «грандиозных» стройках в первую очередь «применялся труд военнопленных и рабов», «при постройке пирамид Хеопса и Хефрена в основном использовался труд рабов» [Там же, с. 143]. Самое крупное восстание, которое Струве реконструировал для конца эпохи Среднего царства, характеризовалось им как «восстание крестьян и ремесленников, к которому примкнули и рабы» [Там же, с. 165]. Собственно говоря, именно такую двустороннюю картину мы и видим в двух повестях Ефремова: в истории Баурджеда основную часть сюжета движут свободные египтяне (становящиеся рабами в конце), в истории Пандиона сюжет движут поработанные не-египтяне (в итоге возвращающие себе свободу). Рубинштейн, не имея возможности прочитать первую повесть дилогии, может быть, имела некоторые основания воспринимать вторую часть как проявление перекоса в освещении египетского общества, но всё-таки и в этом случае сложно согласиться с тем, что основные черты образа Египта у Ефремова противоречат тому, который складывался у самих советских историков, – сознавали они это или нет. Увидев сконструированный самими же советскими историками рабовладельческий Египет в зеркале советской литературы, Рубинштейн ужаснулась и упрекнула зеркало.

Исторический сюжет дилогии обнаруживает в себе три истока: это классическая приключенческая литература, дореволюционные работы о египетской повседневности (книги Г. Масперо переводились еще до революции и потом только переиздавались, Б. А. Тураев – ученый «старой» школы) и советские концепты классовой борьбы. Сами по себе эти элементы были проработаны Ефремовым далеко не всегда так ярко, как он рассчитывал: хотя он всегда уделял большое внимание сбору информации о месте действия его произведений и старался за счет этого создавать эффект присутствия, бесспорно хорошо в дилогии это получилось только при описании плавания по Индийскому океану – борьба со стихией здесь Ефремовым, имевшим и собственный опыт службы на флоте, описана увлекательно и убедительно.

Но пешие путешествия героев, насыщенные описаниями африканской флоры и фауны, чем далее, тем более напоминают беллетризованный путеводитель по африканской природе, что особенно сильно проявляется в рассказе о путешествии Пандиона по Западной Африке [Ефремов, 1975, с. 239–256, 280–295]. Деталью, которая показывает некоторый механицизм движения человека по миру природы, оказывается постоянное измерение как расстояний, так и других величин (высоты зданий, высоты морского вала) в локтях, которое по сути заменяет автору метрическую систему. Видимо, для писателя это было вполне допустимой условностью. Но в таком случае герои перестают быть похожими на человека традиционного общества, который обычно измеряет путь днями, легко впадает в преувеличения размеров любых сооружений и вообще часто не интересуется точной высотой гор или лесов. Такие герои близки к колониальному офицеру из романов Л. Буссенара или ученым – покорителям мира из произведений Ж. Верна, препарирующим и протоколирующим природу. Поскольку колониальный пафос в своей неприкрытой форме для Ефремова как минимум скомпрометирован (и частично преодолен через образы Кидого или девушки Ирумы, в которую влюбляется Пандион), то при воспроизведении концепта приключенческого противостояния человека с природой неизбежно преобладает описательность.

При этом сама направленность диалогии Ефремова принципиально оптимистическая. Если в советском историческом восприятии предыдущие эпохи не могли полностью реализовать идею свободы, то у Ефремова герои получают уже при жизни некоторое «воздаяние» за свои усилия, что делается явно в ущерб исторической достоверности: гораздо проще поверить в то, что деяния Баурджеда, обреченные на забвение по приказу фараона, остались бы неизвестными, а Пандион с товарищами погиб в ливийской пустыне еще во время первого побега. Но память о героях переживает века, а созданная Пандионом гемма в задуманной, но не реализованной третьей повести должна была попасть в селения антов на Днепре (тем самым устанавливалась бы связка Египет – Греция – Русь [Переписка..., 2016, с. 395]). Кроме того, заметно, насколько системно Ефремов противопоставляет два древних общества: Египет для него – страна подавления человеческого духа, Эллада – земля прогресса, а то, что обе страны знают рабовладение, не столь важно.

Тем самым, истоки диалогии, соединяясь, давали совсем не гармоническую картину, и это могло бы похоронить обе повести под грудой противоречий, если бы не те идеи, которые смогли ее в итоге более или менее надежно скрепить. Первая, хотя и была плодом целенаправленной пропаганды, действительно имела отклик у советского читателя середины XX в.: идея взаимной поддержки членов деятельного коллектива, воплощенная в команде Баурджеда, а также в группе, сплотившейся вокруг Пандиона, Кави и Кидого [Бритиков, 1970, с. 230]. Коллектив показан Ефремовым как спасательный круг в самых безвыходных ситуациях: «То, что было абсолютно невозможно ему, одинокому, не знавшему языка и страны, – противопоставить себя веками созданному гнету огромного государства, – теперь становилось реальным: у Пандиона были товарищи! Товарищ!» [Ефремов, 1975, с. 164]; «С удивлением Баурджед понял, что даже рабы, сопутствовавшие в походе, ближе и дороже ему, чем важные жрецы Тота» [Там же, с. 97].

Но идея коллектива сама по себе не может быть убедительной для читателя, потому что коллективу нужна достойная цель, для того чтобы реализовать себя в деятельности; это видно на примере восстания рабов в конце повести о Баурджеде: хотя цель их достойная, но они обречены («Они захватили оружие, но победа их длилась недолго» [Ефремов, 1975, с. 103]).

По-настоящему объединяет всё повествование другая идея – Великой Дуги, мирового океана, опоясывающего землю (Африку) и соединяющего людей, подталкивающего их к мысли о принципиальной общности разных племен и народов. Пустыня не может спасти, она оказывается тупиком, реки соединяют населенные пункты, но ведут к беде (по Нилу везут Пандиона на рабские работы), а океан позволяет героям выйти за рамки шаблонного мышления и поведения, осознать принципиальное единство человечества. Этой великой идее можно сопротивляться, как сопротивлялся ей замерший в истории Египет, но за эту замкнутость он платит исчерпанием творческих сил.

Если эту идею признавать центральной в диалогии, тогда принципиально важным является и то, что ее истоки вообще не советские. Это почти в чистом виде главная мысль книги Л. И. Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки» (1889): на реках начинает формироваться цивилизация, но там она не развивается далее деспотизма (Египет), моря представляют следующий этап (Эллада), но настоящее будущее человечества открывается только с его выходом в мировой океан [Мечников, 2013, с. 118–125]. Можно сказать, что поэтому и у Ефремова на тех героев, что прошли через океан, частично перестают действовать законы

их общественной формации, высвобождаются ресурсы для дерзания (сказать неуместную правду фараону) или творчества (у Пандиона создание геммы происходит перед путешествием по океану, но в его *предчувствии*).

Конечно, все эти аспекты не проговорены Ефремовым со ссылкой на первоисточники, но в данном случае это не имеет значения. Мы можем видеть, что советский (марксизированный и идеологизированный) взгляд на историю действительно отражался в литературном творчестве своей эпохи, был обозначен в нем довольно заметно, но при этом нельзя утверждать, что он был действительно глубоко укоренен в идейной и эстетической ткани советской исторической литературы. С другой стороны, в историческое повествование вплетались мотивы советских культурных ценностей (дружбы и коллективизма). Некоторые подтексты повести восходят к общему западному культурному фону (если учитывать то, что книга Л. И. Мечникова первоначально вышла на французском языке) и не являются специфически марксистскими, поскольку географический фактор занимал периферийное место в советском историзме.

Список литературы

Агапитова Е. К. Исторические источники в романе И. А. Ефремова «Таис Афинская» // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2015. № 7 (152). С. 103–106.

Брандис Е. П., Дмитриевский В. И. Через горы времени. Очерк творчества И. Ефремова. М.; Л.: Сов. писатель, 1963. 220 с.

Бритиков А. Ф. Русский советский научно-фантастический роман. Л.: Наука, 1970. 448 с.

Геллер Л. Вселенная за пределами догмы. Размышления о советской фантастике. Л.: Overseas Publications Interchange Ltd, 1985. 444 с.

Добренко Е. «Занимательная история»: исторический роман и социалистический реализм // Соцреалистический канон / Под ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 874–895.

Ерёмина О. А., Смирнов Н. Н. Иван Ефремов. М.: Молодая гвардия, 2013. 682 с.

Ефремов И. Путешествие Баурджеда. М.: Молодая гвардия, 1953. 136 с.

Ефремов И. Соч.: В 3 т. М.: Молодая гвардия, 1975. Т. 2: На краю Ойкумены. Повесть. Рассказы. 528 с.

История древнего мира. Учебник для 5–6 классов средней школы / Под ред. А. В. Мишулина. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1943. 216 с.

Кормилов С. И. К общей теории художественно-исторической литературы // Филологические науки. 1979. № 4. С. 3–10.

Масперо Г. Египет. М.: Изд-во «Проблемы эстетики», 1915. 403 с.

Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. М.: Айрис-пресс, 2013. 320 с.

Палей А. Рассказы и повести И. Ефремова // Новый мир. 1956. № 11. С. 262–263.

Переписка Ивана Антоновича Ефремова / Авт.-сост. О. А. Ерёмина. М.: Вече, 2016. 1536 с.

Писатели о своей работе // Техника – молодежи. 1963. № 12. С. 9.

Рубинштейн Р. И. [Рец.:] И. Ефремов. На краю Ойкумены, «Молодая гвардия», 1949, 293 стр., тираж 1500 экз., цена 9 руб. // Вестник древней истории. 1950. № 3. С. 142–144.

Струве В. В. История древнего Востока. Л.: Госполитиздат, 1941. 484 с.

Тураев Б. Бог Тот. Опыт исследования в области истории древнеегипетской культуры. Лейпциг: Тип. Ф. А. Брокгауза, 1898. 182 с.

Тураев Б. А. Рассказ египтянина Синухета и образцы египетских документальных автобиографий. М., 1915. 72 с.

Тураев Б. А. Египетская литература. Т. 1: Исторический очерк древнеегипетской литературы. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1920. 282 с.

References

Agapitova E. K. Istoricheskie istochniki v romane I. A. Efremova “Tais Afinskaya” [Historical sources in the I. A. Efremov’ novel “Thais of Athens”]. *Proceedings of Petrozavodsk state university. Series: Social Sciences and Humanities*. 2015, no. 7 (152), pp. 103–106.

Brandis E. P., Dmitrievskiy V. I. *Cherez gory vremeni. Ocherk tvorchestva I. Efremova* [Through the mountains of time. Essay on the works of I. Efremov]. Moscow, Leningrad, Sov. pisatel, 1963, 220 p.

Britikov A. F. *Russkiy sovetskiy nauchno-fantasticheskiy roman* [Russian Soviet science fiction novel]. Leningrad, Nauka, 1970, 448 p.

Dobrenko E. “Zanimatel’naya istoriya”: istoricheskiy roman i sotsialisticheskiy realizm [“Entertaining History”: the historical novel and socialist realism]. In: *Sotsialisticheskiy kanon* [Canon of socialist realism]. H. E. Dobrenko, Günther (Eds.). St. Petersburg, Akademicheskii proekt, 2000, pp. 874–895.

Efremov I. *Puteshestvie Baurdzheda* [The journey of Baurdjed]. Moscow, Molodaya gvardiya, 1953, 136 p.

Efremov I. *Soch.: V 3 t.* [Works: In 3 vols.]. Moscow, Molodaya gvardiya, 1975, vol. 2: Na krayu Oykumeny. Povest’. Rasskazy [On the Edge of the Oikumena. Novel. Stories], 528 p.

Eremina O. A., Smirnov N. N. *Ivan Efremov* [Ivan Yefremov]. Moscow, Molodaya gvardiya, 2013, 682 p.

Heller L. *Vselennaya za predelami dogmy. Razmyshleniya o sovetskoj fantastike* [The universe beyond dogma. Reflections on Soviet Fiction]. London. Overseas Publications Interchange Ltd., 1985, 444 p.

Istoriya drevnego mira. Uchebnik dlya 5–6 klassov sredney shkoly [History of the ancient world. Textbook for 5–6 grades of secondary school]. Mishulin A. V. (Ed.). Moscow, Gos. ucheb.-ped. izd. Narkomprosa RSFSR, 1943, 216 p.

Kormilov S. I. K obshchey teorii khudozhestvenno-istoricheskoy literatury [To the general theory of art-historical literature]. *Philological Sciences*. 1979, no. 4, pp. 3–10.

Maspero G. *Egipet* [Egypt]. Moscow, Izd. “Problemy estetiki”, 1915, 403 p.

Mechnikov L. I. *Tsivilizatsiya i velikie istoricheskie reki* [Civilization and great historical rivers]. Moscow, Ayris-press, 2013, 320 p.

Paley A. Rasskazy i povesti I. Efremova [Stories and novels by I. Efremov]. *Novyi mir*. 1956, no. 11, pp. 262–263.

Perepiska Ivana Antonovicha Efremova [Correspondence of Ivan Antonovich Efremov]. Eremina O. A. (Comp.). Moscow, Veche, 2016, 1536 p.

Pisateli o svoey rabote [Writers about their work]. *Tekhnika – molodezhi*. 1963, no. 12, p. 9.

Rubinshtein R. I. Rets.: I. Efremov. Na kraiu Oikumeny, “Molodaia gvardiia”, 1949, 293 str., tirazh 1500 ekz., tsena 9 rub. [Review: Ivan Yefremov. At the Edge of Oikoumene, 1949]. *Vestnik drevnei istorii*. 1950, no. 3, pp. 142–144.

Struve V. V. *Istoriya drevnego Vostoka* [The history of the Ancient East]. Leningrad, Gospolitizdat, 1941, 484 p.

Turaev B. *Bog Tot. Opyt issledovaniya v oblasti istorii drevneegipetskoy kul'tury* [God Thoth. Experience of research in the history of ancient Egyptian culture]. Leiptsig, Tip. of F. A. Brokgauz, 1898, 182 p.

Turaev B. A. *Egipetskaya literatura. T. 1: Istoricheskiy ocherk drevneegipetskoy literatury* [Egyptian Literature. T. 1: Historical essay on the ancient Egyptian literature]. Moscow, Izdanie M. i S. Sabashnikovykh, 1920, 282 p.

Turaev B. A. *Rasskaz egiptyanina Sinukheta i obraztsy egipetskikh dokumental'nykh avtobiografiy* [The story of the Egyptian Sinukhet and samples of Egyptian documentary autobiographies]. Moscow, 1915, 72 p.

Информация об авторе

Сергей Борисович Крих, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории исторического факультета Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Scopus Author ID 57194386149

WoS Researcher ID M-5123-2015

Information about Author

Sergey B. Krikh, Doctor of History, Professor, Department of World History, Faculty of History, Omsk State Dostoevsky University (Omsk, Russian Federation)

Scopus Author ID 57194386149

WoS Researcher ID M-5123-2015

Статья поступила в редакцию 25.08.2022;

одобрена после рецензирования 29.10.2022; принята к публикации 29.10.2022

The article was submitted on 25.08.2022;

approved after reviewing on 29.10.2022; accepted for publication on 29.10.2022